

УДК 821.161.1

**РОЛЬ «УКРАИНСКИХ МЕЛОДИЙ» Н. А. МАРКЕВИЧА В
ФОРМИРОВАНИИ УКРАИНСКОГО ТЕКСТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹**

Курьянов С. О.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь,
Россия
E-mail: so_k@inbox.ru

Данная статья ставит своей целью показать, как в творчестве Н. А. Маркевича впервые создавалось мифологизированное представление об Украине, нашедшее в дальнейшем своё воплощение в целом ряде произведений русских авторов и сформировавшее украинский текст в русской литературе. Анализ поэтического сборника «Украинские мелодии» показывает, что книга Н. А. Маркевича концептуально в запоминающихся константных мифологизированных формах воспроизводит представление об Украине, то есть создаёт знаковые для воспринимающего сознания обозначения, которые, закрепившись в русской литературе, формируют своеобразный украинский текст.

Ключевые слова: украинский текст, мифологизированные константные представления, Н. А. Маркевич, «Украинские мелодии», русская литература.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Своей работой о Петербургском тексте В. Н. Топоров, как верно заметил А. П. Люсый, «бросил методологический вызов России, и та ответила ему текстуальной революцией гуманитарного знания» [13, с. 9]. Исследователи начали мыслить большими текстовыми образованиями — *сверхтекстами*. Это позволяет сегодня по-новому взглянуть на литературную ситуацию в России первой трети XIX века, когда обращение русских писателей к украинской теме приобрело едва ли не всеобщий характер, и даёт основание говорить о том, что именно в тот период (особенно в конце 1820-х — начале 1830-х годов) началось формирование в русской литературе украинского текста.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00430.

Немалую роль в становлении украинского текста в русской литературе сыграла литературная деятельность Николая Андреевича Маркевича (1804—1860) — поэта, историка Украины, фольклориста, этнографа, музыканта и композитора.

Его роль высоко ценил Н. К. Зеров, называя «третьим в ряду поэтов, писавших на украинские темы» [6, с. 110], причем имелось в виду, что первый — Н. В. Гоголь, а второй — К. Ф. Рылеев.

Как личность Маркевич интересен кругом знакомств, поскольку состоял в переписке, сотрудничал, приятельствовал с самыми разными литературными и общественными знаменитостями. Его товарищами по Благородному пансиону при Петербургском университете были С. А. Соболевский, Л. С. Пушкин, М. И. Глинка, П. В. Нащокин, Н. А. Мельгунов. В этом кругу декабристы и деятели русской и украинской культуры В. К. Кюхельбекер, А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев, Ф. Н. Глинка, И. И. Пущин, П. И. Пестель, В. Л. Давыдов, С. Г. Волконский, И. П. Котляревский, Т. Г. Шевченко, Н. М. Языков, Н. В. Гоголь, Е. П. Гребёнка, М. С. Щепкин, Ф. В. Булгарин, Н. В. Кукольник, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, Н. А. и К. А. Полевые, М. А. Максимович, О. М. Бодянский и многие другие. Он был знаком с А. Мицкевичем и В. С. Караджичем.

Первые поэтические опыты Маркевича относятся ко времени пребывания в пансионе. Позже он активно занимается переводами произведений Дж. Байрона, Ф. Шиллера, А. Мицкевича, Э. Парни.

В начале двадцатых годов, являясь офицером Курляндского драгунского полка, расквартированного на Украине, поэт начал коллекционировать старинные рукописные книги и документы, относящиеся к истории родной земли. С середины двадцатых годов, после выхода в отставку, и до конца своей жизни, почти безвыездно (наведываясь лишь в Москву для издания своих произведений), он жил в своем родовом имении в селе Туровка Прилуцкого уезда Полтавской губернии.

Культурная и научная деятельность Н. А. Маркевича в этот период была многообразной и весьма плодотворной. Увидели свет три его поэтических сборника — «Элегии. Еврейские мелодии» (1829), «Стихотворения эротические. Паризина» (1829), «Украинские мелодии» (1831), — последний из которых стал

заметным явлением литературной жизни. Н. А. Маркевич продолжает поиск документов по истории Украины, и в 1842—1843 годах выходит пятитомная «История Малороссии». Плодом его фольклористической деятельности явились «Народные украинские напевы, положенные на фортепиано Николаем Маркевичем», изданные в 1840 году. На протяжении сороковых-пятидесятых годов он записывает и систематизирует более пятисот украинских пословиц и поговорок. К этому же времени относятся нотные записи украинских, русских, словацких, чешских, польских народных песен, полная запись украинского вертепного действия. Он публикует статьи и книги по истории, литературе, этнографии, большей частью связанные с жизнью Украины. Тогда же им были положены на музыку некоторые стихотворения Т. Г. Шевченко.

Понимание того, что развитие украинской темы в русской литературе в первой трети XIX века способствовало формированию украинского текста в русской литературе, появилось относительно недавно. На существование «малороссийского» текста в русской литературе впервые было указано в диссертации А. С. Шеремет в связи с анализом творчества И. П. Борозды [25, с. 108], этот термин закрепился в статьях Д. П. Овчинникова, посвященным творчеству Н. В. Гоголя [20; 21]. Причём, как нам известно, оба исследователя воспользовались термином независимо друг от друга. Впрочем, когда автор данной статьи начал писать об украинском тексте [11; 12], он также не подозревал об утверждениях коллег.

Мы настаиваем на термине «украинский текст», поскольку считаем, что термин «малороссийский текст» значительно сужает смысловое наполнение явления.

Цель данной статьи — показать, как создавалось в творчестве Н. А. Маркевича мифологизированное представление об Украине, формировавшее украинский текст (сверхтекст) и нашедшее в дальнейшем своё воплощение в целом ряде произведений русских авторов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ.

Последний поэтический сборник Н. А. Маркевича «Украинские мелодии» увидел свет в Москве в начале 1831 года. В 1832 году в «Московском телеграфе» появилась одобрительная рецензия [8].

«Украинские мелодии» на протяжении полутора столетий лишь изредка привлекали внимание исследователей, прежде всего, в связи с обращением к ранним произведениям Т. Г. Шевченко. В 1896 году К. О. Студинский [23], в 1925 — М. Марковский [15], а в 1960 — Г. О. Гайдай [2] попытались рассмотреть влияние «Украинских мелодий» на произведения Великого Кобзаря. В поле зрения попали «мелодии» «Бандурист» (в связи с «Перебендей»), «Чигирин» (в связи со стихотворением «Чигрине, Чигрине...»), «Платки на козачьих крестах» (в связи с «Гайдамаками») и «Певец» (как программное произведение сборника). В той или иной мере к «Украинским мелодиям» обращались А. И. Белецкий [1, с. 197—198], И. Я. Заславский [5, с. 34—36], Е. М. Косачевская [9, с. 76—80]. В 1967 году впервые целостную характеристику сборнику дал Е. С. Шаблиовский [7, с. 270—271], взгляд которого двадцатью годами позже был существенно расширен и уточнен М. Т. Яценко [26, с. 15—16]. Из последних (хотя теперь и давних уже) работ следует назвать нашу статью [10, с. 21—30], посвященную целостному анализу сборника, и одну из глав монографии В. И. Мацапуры, где также содержится анализ поэтического сборника Н. А. Маркевича [16, с. 144—148]. В последнее десятилетие к «Украинским мелодиям» в своих статьях, а также в диссертации «Творчество Николая Маркевича в контексте европейского романтизма» в компаративном аспекте неоднократно обращалась О. В. Мельник [см.: 17; 18; 19]. Во всех исследованиях «Украинских мелодий», как давних, так и нынешних, взгляд на сборник как на явление, формирующее украинский текст в русской литературе, отсутствует.

Мифологизация Украины, обуславливающая её знаковость, узнаваемость для воспринимающего сознания, в сборнике Н. А. Маркевича начинается с первых же строк первой «мелодии» «Сон-трава»: «Вечером собирайтесь, девы, / Слушать песнь мою...» [14, с. 3]. И речь не о народном предании, связанном с сон-травой, которая также носит имя прострел, а по-научному пульсатилла (*Pulsatilla*). Речь о втором стихе — «слушать песнь мою». Маркевич сразу же вводит читателя в

мифологическое пространство, где герой-сказитель (лирический субъект, рассказчик-повествователь) — певец-бандурист.

На то, что главным героем сборника является именно бандурист первым указал Т. Г. Шевченко в стихотворении «Н. Маркевичу» (1840):

Бандуристе, орле сизий!
Добре тобі, брате:
Маєш крила, маєш силу,
Є коли літати [24, с. 127].

Бандурист — символ Украины, человек, без которого житель полуденной страны не знает прошлого, не понимает настоящего и не может увидеть будущего — седой певец, доносящий до современников правду.

Дело важное, святое
На Украине певец!
Запоеет ли? Легче вдвое
Для размученных сердец;
От врагов ли станет больно?
Старики идут невольню
Слушать песню о старине;
А козаки молодые
Песни слушают живые
Об любви и об войне [14, с. 18], —

говорится о нём в «мелодии» «Бандурист». Гибель старого бандуриста, отправившегося на молебен в Киев, влечёт за собой потерю связи с историческими корнями, с прошлым, а без своих духовных скреп народ становится беззащитен [14, с. 20].

Однако Бандурист Маркевича не слепой украинский старец — сказитель народных дум. Он — близкий по духу и возрасту своему двадцатишестилетнему автору молодой певичко-гулякы, заведомо сельских вечерниц.

Правда, один раз — детям! — он заявляет: «Вам певец седой все расскажет...» [14, с. 85], — но это рисовка. Бандуриста выдают сельские девушки, совершая над ним тот самый обряд, о котором писал С. Е. Раич в стихотворении «Выкуп холостого» [см.: 22, с. 173]. В «мелодии» «Колода» рассказывается, как к ноге молодого Бандуриста девушки по традиции деревенского пасхального празднования привязывают колоду и призывают венчаться:

Нет, бандура! что по свету
Холостым весь век ходить?
Выставляй-ка ногу эту,
Дай колоду нацепить.
Выбирай из нас, влюбляйся,
Да к налою и венчайся [14, с. 72].

К тому же Бандурист — участник всех деревенских праздников — всегда в толпе молодежи и принимает участие в их играх. В «мелодии» «Иван Купала» он сам заявляет: «Станем прыгать мы толпами / Через крапиву и костры» [14, с. 90].

Так рождается в сборнике Маркевича *два мифологизированных константных представления об украинском сказителе-бандуристе*: в одном случае это старый слепой певец, который, «как Отец Поэзии, поет о необыкновенных случаях на земле Украинской» [14, с. XVIII—XIX], в другом Бандурист «Про гетманщину родную, / Про красавиц и весну» запекает «песню удалую» (курсив наш. — С. К.) [14, с. 71]. Эпитет «удалую» не подходит для песни старого, умудренного годами седобородого певца. Разделение старого и молодого бандуристов будет встречаться в русской литературе и в дальнейшем. Вспомним, что у Н. В. Гоголя в концовке «Страшной мести», например, «собрался народ около *старца бандуриста*, и уже с час слушал, как *слепец* играл на бандуре» (курсив наш. — С. К.) [4, с. 279], тогда как бандуристом

является и Левко в «Майской ночи, или Утопленнице», более того, бандура, с одной стороны, является выразителем его молодых чувств и мечтаний, с другой — становится инструментом его издевательств над отцом-соперником.

Но молодой Бандурист у Маркевича не менее старика-певца осознает свое предназначение. В «мелодии» «Певец», обстоятельно обосновывая свое жизненное кредо (и в этом сближаясь с автором, поэтом-романтиком), герой заявляет:

Певец вдохновенный назначен судьбою,
Чтоб голосом дивным тревожить мечту,
Чтоб петь и венчать благородной рукою
Отчизну, свободу, любовь, красоту [14, с. 35].

Бандурист в своих «мелодиях» шаг за шагом наполняет ощутимым смыслом слова «свобода», «любовь», «красота», и вскоре становится ясно, что они — производные слова «Отчизна», слова, которое вмещает в себя многое: природу Украины, ее жителей, их историческое прошлое, обычаи, предания, поверья, приметы...

В «Украинских мелодиях» заметно *мифологизирована украинская природа*. Для Маркевича, а, следовательно, для его героя-повествователя, Бандуриста, родная природа — неотъемлемая часть его самого, живое меняющееся явление, источник поэзии, песен.

Она *роскошна* (эпитет, ставший постоянным у русских романтиков для обозначения сути украинской природы). «Персики, абрикосы, черешни, каштаны, виноград, — пишет в предисловии к сборнику Маркевич, — все дает плод на земле Украинской. Белые акации, кипарисы, всякого рода розы, воздушные жасмины, и платаны, все может дать тень Украинцу, если он возьмет один только труд: посадит корень в землю» (здесь и далее пунктуация Н. А. Маркевича. — С. К.) [14, с. VII].

И Бандурист вслед за своим автором покорен картиной весны:

В небе жаворонки вьются,

В поле песни раздаются,
Все сады цветут,
Сладострастно дышат розы,
Сочный персик абрикозы
Ароматы льют
«Украина» [14, с. 39], —

или загадочными превращениями украинских ночей:

И в серебряном блеске венца
Подымается месяц молодой.
Без границ, без числа, без конца
Хороводом звезда за звездой
На небесные своды толпами выходят...
«Веснянка» [14, с. 48].

В обоих случаях невольно возникают ассоциации с гоголевскими природоописаниями: малороссийского полдня в «Сорочинской ярмарке» и малороссийской ночи в «Майской ночи, или Утопленнице».

Но любую иную природную красоту способны затмить величественный Днепр и бескрайние степи (типологические параллели с произведениями Н. В. Гоголя здесь также несомненны).

Великан-Днепр в «мелодии» Бандуриста оживает, обретает сначала облик новорожденного дитяти, к которому «Девы роем прилетели / И в венки из тростника / Люльку детскую одели», а затем — богатыря-гиганта, устремившего свой путь к морю. Жизнь реки обретает черты жизни человека, который, став юношей, «невесту ждет с тоскою» и, повстречав Десну («всех пленяя / В Киев шла Десна младая»), венчается с ней, благословенный киевскими церквями и монастырями.

Вместе они проходят свой непростой и извилистый путь. Уставшие и умудренные опытом, «супруги», пройдя заметную часть жизненного пути, замедлили свой бег и «оба поседели».

И вот наступает конец их земному существованию. Но они не умирают, а (подобно людям, чьи души по смерти тела возносятся к небесам) сливаются с необъятным океаном:

Видят бездну: ей ни лет,
Ни конца ей, ни начала,
Ни границы в мире нет;
Тайна вечная лежала
В глубине ее пучин; —
В ней исчезнул исполин
«Днепр» [14, с. 52—55].

Другое украинское чудо — степи (Маркевич пишет по-украински: «степ», в мужском роде — противопоставляя среднерусским степям): «...у нас это слово означает бесконечное пространство зелени, произведенной рукою природы Украинской для Украинских табунов... Чувство на таких степях...: кажется отделяешься от смертных, кажется ищешь границ беспредельности» [14, с. 123].

В «песне» Бандуриста степь оживает, дышит (напоминая степь в «украинских» стихотворениях Ф. Н. Глинки и «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя), но остается загадочной в своей безбрежной широте. Со стихотворением Ф. Глинки «Степь» [3, с. 271], посвященном также описанию украинской степи, произведение Маркевича сближают детали. Здесь высокие травы, скачущие табуны, «полевых зверьков семья», «скользящая змея», ковыль. Над степью проходит «солнце знойною тропой». «И склоняясь там, далеко» с ней «обнялось» (как в картине «малороссийского» полдня у Гоголя) небо:

...преграды

Нет ни мыслям, ни очам;
Не упрутся далью взгляды,
Здесь исчезло слово: там.

Там... Где там? Все бесконечность,
Все пространство без берегов.
Степ Украины — это вечность,
Это чувство, мысль без слов
«Степ» [14, с. 46—47].

В описании Днепра и степи Маркевич достигает значительной мифологизации. Для поэта, как и для его Бандуриста, они — не просто песня, они — ключ к пониманию украинской души. Богатырь-Днепр символизирует народ, по земле которого он протекает. Степь — душу народа, что на ней живет:

Необъятно благородна
Так Украинская кровь; —
Так безбрежна и свободна
Сердца чистого любовь! [14, с. 47].

Мифологизированы и жители Украины. Подробности в их описаниях, которые в это же время возникнут в повестях Гоголя, у Маркевича отсутствуют, но основные детали схвачены поэтом.

В «Украинских мелодиях» девушки — «прекрасней всех цветов». У них соловьиный голос, «темноглубые очи», «кудри черными волнами» («Украинские девы» [14, с. 45]), черные ресницы, румянец, «перси молодые, будто пена из воды» («Колода» [14, с. 73]), «лебяжья спина» («Солнце утопленников» [14, с. 23]), тополиный стан («Сула» [14, с. 59]), или — в другом случае — стан «высокий. Стройный, гибкий, как... каштан» («Колода» [14, с. 73]). Мифологизация девушек-

украинок будет довершена Н. В. Гоголем в «Вечерах...», О. М. Сомовым в «Киевских ведьмах», Е. П. Гребёнкой в «Рассказах пирятинца».

То же и с казачеством, которое к этому времени уже было подробно описано Ф. Н. Глинкой в «Зиновии Богдане Хмельницком, или Освобожденной Малороссии», В. Т. Нарезным в «Бурсаке» и «Двух Иванах», О. М. Сомовым в «Гайдамаке», будет обрисовано Н. В. Гоголем в «Вечерах...» и «Миргороде». У Маркевича подчеркнута главное — героизм и патриотизм украинских казаков — качества, которые выразились прежде всего в жизни и подвигах славных предводителей казачества, принесших славу Украине: из Запорожской Сечи гетман Федор Богдан водил свои войска на Стамбул («Федор Богдан» [14, с. 60]),

В Украине святой Войнаровский рожден,
Украиной Палий, Наливайко вскормлен,
Сулою коня Сагайдачный поил,
Над нею Хмельницкий, Полуботок жил
«Украина» [14, с. 40]

Жизнь и занятия запорожцев, уже знакомые читателям по произведениям других авторов, отражены скупо, но очень динамично:

Там были козачьи в лесах курени,
В рассказах о битвах катились их дни,
Сверкали их копья, их сабли звучали,
Костры по ночам у шатров их пылали.
Там конь никогда не стоял без седла,
Копытом рыл землю и грыз удила.
Коль скоро Хмельницкий махнет булавою, —
Полковники выбегут шумной толпою;
Украина! свобода! — он крикнет полкам, —
И все понесется, и горе врагам!

«Чигирин» [14, с. 50]

Говоря о жителях Украины, невозможно также не вспомнить своеобразный символ Украины — седого старца-бандуриста, без присутствия которого редко обойдутся произведения русских авторов об Украине и не обойдётся ни один поэтический сборник украинских авторов 1830—1840-х годов.

Для завершения мифологизации Украины необходимо было обратиться к этно-фольклорной индивидуальности украинцев. И Маркевич первый целенаправленно это осуществил.

В «Малороссии» «все оживлено, все имеет дар слова; в древнем дубе таится существо неземное, в оставленном доме есть еще жители, хотя и невидимые; река есть обитель существ прелестнейших; ворон, филин предсказывают горести, кукушка пророчески исчисляет дни наши; овсянка...» [14, с. IX]. В стихах это оформлено таким образом:

Долго я внимал овсянке,
Так пропела мне она:
Уж ручьи бегут от снегу,
Топит реки теплый Май:
Изготовь, козак, телегу,
Сани завези в сарай.
«Весна» [14, с. 70].

Овсянка, а также названные Маркевичем ворон, филин, кукушка — голосисты, но у природы есть и молчаливые помощники: «В озере гуляя, щука / Уж хвостом пробила лед...» («Весна» [14, с. 70]).

В «Украинских мелодиях» «живут» ведьмы, русалки, домовые, змеи, упыри, черти, утопленники..., не все они приносят зло (например, добрый домовый научил Бандуриста «играть и петь» [14, с. 68]), но все они существа загадочные, и читатель узнает о самых разных поверьях. О чудесных свойствах сон-травы [14, с. 3—5], о

привычках ведьм и их внешнем виде [14, с. 6—8, 14—16], о том, как помочь душе самоубийцы расстаться с телом [14, с. 21—23], о «солнце утопленников» — луне [14, с. 24—26], о «приметах смерти» [14, с. 9—10], о «приметах по коню» [14, с. 12—13], о том, как найти клад [14, с. 89—90], о повадках русалок [14, с. 75—76] и змея [14, с. 83—84]. Поэт устами своего героя Бандуриста расскажет, что такое «любощи» [14, с. 81—82], можно ли верить кукушке [14, с. 79—80], какой знак несет в себе падающая звезда [14, с. 69].

Бандурист — житель села. Вот почему его «песни» порой не отвечают канонам романтической изящной словесности и в них появляются слова вроде *сарай, телега, женет, ноздри, морда*. Вот почему в подавляющем числе «мелодий» он говорит о различных преданиях и поверьях с полной серьезностью, и лишь изредка в них проскальзывает ирония.

Мы говорили уже о необычайной цельности сборника, связывая ее с образом Бандуриста. Но если Бандурист объединяет весь цикл, то стержнем композиции поэтического сборника является идея национально-освободительной борьбы. Идея не новая, пришедшая в литературу из общественной жизни и уже отчасти реализованная в творчестве К. Ф. Рылеева (поэмы «Войнаровский» и «Наливайко»). Это *едва ли не самое существенное мифологизированное константное представление об Украине*, которое закрепится в русской литературе, — о тяжелой судьбе украинского народа.

Маркевич так искусно составил сборник, что лишь при внимательном его чтении становится ясно: да, были трагические моменты в истории Украины, были тяжелые поражения, заканчивавшиеся иной раз разгромом войска и гибелью гетмана («Медный бык»), но были — и значительно чаще! — часы небывалого взлета, когда «гетманы с козаками / Издевались над врагами, / Грабили Стамбул» [14, с. 50], когда «от весел козачьих опенился Понт, / И мезтью Богдана вспылал Трапезонт» [14, с. 60]. Но все это кончилось с наступлением поры нового закабаления, время которого в «мелодии» «Бандурист» названо точно:

Вдруг приходят Москали

Дрались с Шведом, скот побили,
Козаков закабалили,
Съели хлеб, село сожгли! [14, с. 20].

А причина неудач и поражений, по мнению автора, кроется в забвении славных дел предков.

Появившись впервые в «мелодии» «Платки на козачьих крестах», утверждение «каждый помыкает нами» [14, с. 11] переходит из стихотворения в стихотворение («неужели нам остался только славы гул?»; «схоронили Украину мы в гробе Богдана»; «Гетманщины нет, Хмельницкого нет, — / А с ними и счастья давних тех лет!»), чтобы, превратившись в лейтмотив сборника, вылиться в горестную тираду:

А ныне... Кому мы готовим коней?
К чему нам козачки вскормили детей?
Не нам табуны отпаслися на воле:
Уж с сыном козак не наездники в поле!
Час от часу гаснет в Украине любовь, —
И стала как лед запорожская кровь.
«Чигирин» [14, с. 51].

Но оптимизм не изменяет автору (традиция, берущая свое начало в поэзии декабристов). И в «мелодии» «Федор Богдан» появляется серия риторических вопросов:

И что же! Навеки те дни миновались?
Ужели об них нам мечты лишь остались?
Ужель средь обширных Украины стран
Не может воскреснуть Федор Богдан? [14, с. 60].

Вот почему девушки, словно в ответ на это, в «мелодии» «Венки» заявляют юношам:

Вам ли венки девы плетут,
Нет! для певцов тех, что поют
Отчизну, красавиц, любовь и свободу.
Отдайте вы прежнее время народу,
Скуйте вы сабли из кос и серпов,
Будьте, как деды, — дождетесь венков! [14, с. 78]

Думается, в то время откровеннее высказать призыв к национальному освобождению было невозможно.

ВЫВОДЫ

Мы понимаем украинский текст в русской литературе как топический сверттекст, в котором вполне или частично явлены созданные писателями с помощью единого семиотического кода в разные литературные периоды и в различных (с точки зрения родовой, видовой, жанровой, а также идейной принадлежности) литературных произведениях устойчивые (константные) мифологизированные представления об Украине, отражающие неповторимость украинской земли и способные запечатлеваться воспринимающим сознанием независимо от историко-культурной эпохи, к которой интерпретатор принадлежит.

Изложенный выше материал, связанный с анализом поэтического сборника Н. А. Маркевича «Украинские мелодии», доказывает, что книга поэта не просто поднимает тему Украины, как на это указывалось исследователями ранее, но концептуально художнически Украину воспроизводит, причём воспроизводит в запоминающихся для воспринимающего сознания константных мифологизированных формах, то есть создаёт знаковые детали украинского текста, которые прочно и фактически в неизменном виде войдут в произведения об Украине

других русских авторов. Представления (в значительной мере мифологизированные) об украинских девушках, казачестве, бандуристе, украинской природе, украинской демонологии, фольклорных и этнографических особенностях украинской жизни, впервые вполне явленные у Н. А. Маркевича, закрепились в русской литературе, создавая своеобразный украинский текст.

Список литературы

1. Білецький, О. І. Зібрання праць: у 5-ти т. / О. Білецький; АН УРСР, Ін-т л-ри ім. Т. Г. Шевченка. — Київ: Наук. думка, 1966. — Т. 4. Російська література та російсько-українські літературні зв'язки. — 680 с.: іл.
2. Гайдай, Г. О. Т. Г. Шевченко і М. А. Маркевич / Г. О. Гайдай // Радянське літературознавство. — 1960. — № 3. — С. 61—67.
3. Глинка, Ф. Н. Избранные произведения / Ф. Н. Глинка; вступ. ст., подгот. текста и прим. В. Г. Базанова. — Л.: Совет. писатель; Ленинград. отд., 1957. — 504 с.
4. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Н. В. Гоголь; АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); гл. ред. Н. Л. Мещеряков; ред.: В. В. Гиппиус (зам. гл. ред.) и др. — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1952. — Т. 1. Ганц Кюхельгартен; Вечера на хуторе близ Диканьки / ред. М. К. Клеман. — 1940. — 556 с.
5. Заславский, И. Я. Пушкин и Украина: Украинские связи поэта, украинские мотивы в его творчестве / И. Я. Заславский. — К.: Вища школа, 1982. — 152 с.
6. Зеров, М. К. Лекції з історії української літератури: 1798—1870 / Микола Зеров; під ред. Д. В. Горзлін, О. Соловей. — Едмонтон: Видання Канадського Ін-ту Укр. Студій, 1977. — 271 с.
7. Історія української літератури: у 8 т. / редкол.: Є. П. Кирилюк (гол.) [та ін.; Ін-т літ-ри ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР]. — Київ: Наукова думка, 1967—1971. — Т. 2: Становлення нової літератури (друга половина XVIII — тридцяті роки XIX ст.) / Л. Є. Махновець [та ін.]. — 1967. — 483 с.

8. К. П. <Ксенофонт Полевой> «Украинские мелодии. Соч. Ник. Маркевича. М., 1831» / К. П. // Московский телеграф. — 1832. — Ч. 46. — № 13. — Июль. — С. 65—76.
9. Косачевская, Е. М. Н. А. Маркевич: 1804—1860 / Е. М. Косачевская; науч. ред.: Ю. Д. Марголис; Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. — 286 с.
10. Курьянов, С. О. Николай Маркевич и его «Украинские мелодии» // Вопросы русской литературы: межвузовский научный сборник. — Симферополь: Соратник, 1993. — Вып. 1 (58). — С. 21—30.
11. Курьянов, С. О. О русско-украинских литературных связях и об украинском тексте в русской литературе / С. О. Курьянов // Крымский гуманитарный вестник: Сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Рудяков; ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования». — Симферополь: ИП Минакир И. Л., 2018. — С. 40—47.
12. Курьянов, С. О. Об украинском тексте в русской романтической литературе [Электронный ресурс] / С. О. Курьянов // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11—14 октября 2018 года). — СПб.: РОПРЯЛ, 2018. — С. 765—770. — URL: http://ropryal.ru/wp-content/uploads/2018/10/6ROPRYAL_A5.pdf (дата последнего обращения: 30.10.2018).
13. Люсый, А. П. Московский текст: текстологическая концепция русской культуры / А. П. Люсый. — М.: «Издательский дом «Вече»; ООО «Русский импульс», 2013. — 320 с.
14. Маркевич, Н. А. Украинские мелодии. Соч. Ник. Маркевича / Н. А. Маркевич. — М.: В типографии Августа Семена, при Императорской Мед.-хирургической академии, 1831. — XXX, 154+4 с.
15. Марковський, М. Шевченко і Микола Маркевич // Україна: наук. двохмісячник українознавства. — 1925. — Кн. 1—2. — С. 37—41.
16. Мацапура, В. И. Украина в русской литературе первой половины XIX века: [монография] / В. И. Мацапура. — Харьков; Полтава: ПОИППО, 2001. — 396 с.

17. Мельник, О. В. «Украинские мелодии» Миколи Маркевича та «Ірландські мелодії» Томаса Мура: характерологічна спільність та відмінність / О. В. Мельник // Материалы докладов Международной научно-практической конференции «Вторые севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения». — Севастополь: Рибэст, 2008. — С. 389—395.
18. Мельник, О. В. Україна у поетичному світобаченні Адама Міцкевича і Миколи Андрійовича Маркевича / О. В. Мельник // Історико-літературний журнал. — Одеса, 2010. — Вип. 18. — С. 196—205.
19. Мельник, О. В. Творчість Миколи Маркевича в контексті європейського романтизму: дис. ... канд. філол. наук: 10.01.05 / О. В. Мельник; Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. — Київ, 2014. — 200 с.
20. Овчинников, Д. П. «Казалось, существование этого народа было вечно»: мифопоэтические пределы Малороссийского текста русской литературы (К постановке проблемы) / Д. П. Овчинников // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. — 2017. — Т. 8. — Вып. 4. — С. 324—327.
21. Овчинников, Д. П. Малороссия и Малороссийский текст в творчестве Н. В. Гоголя (Введение в тему) / Д. П. Овчинников // Язык и культура: сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции. — Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2016. — С. 194—199.
22. Северная лира на 1827 год / изд. подгот. Т. М. Гольц и А. Л. Гришунин. — М.: Наука, 1984. — 416 с.
23. Студинский, К. О. «Перебендя» Т. Шевченка і «Бандурист» Маркевича / К. О. Студинский // Зоря. — 1896. — № 24. — С. 477—479.
24. Шевченко, Т. Г. Повне зібрання творів: у 12 т. / Т. Г. Шевченко; редкол.: М. Г. Жулинський (голова) та ін. — К.: Наук. думка, 2001 — Т. 1: Поезія 1837—1847 / Перед. слово І. М. Дзюби, М. Г. Жулинського. — 784 с.: портр.
25. Шеремет, А. С. Творческий путь И. П. Бороздны: индивидуальность в контексте литературных традиций: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. С. Шеремет; Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского. — Симферополь, 2015. — 234 с.

26. Яценко, М. Т. Українська романтична поезія 20—60-х років XIX ст. / М. Т. Яценко // Українські поети-романтики. — К.: Наукова думка, 1987. — С. 5—36.

Reference

1. Biletskii O. I. *Zibrannya Prats': u 5 Tomakh* [Collected Works: in 5 v.]. Kyiv: Naukova Dumka Publ., 1966. Vol. 4. *Rosiy's'ka Literatura ta Rosiy's'ko-Ukrayins'ki Literaturni Zv'yazky* [Russian Literature and Russian-Ukrainian Literary Connections]. 680 p.
2. Hayday H. O. *T. H. Shevchenko i M. A. Markevych* [T. G. Shevchenko and M. A. Markevich]. *Radyans'ke Literaturoznavstvo*. — 1960. — № 3. — Pp. 61—67.
3. Glinka F. N. *Izbrannye Proizvedeniya* [Selected Works]. L.: Sovetskii Pysatel Publ., 1957. 504 p.
4. Gogol' N. V. *Polnoe Sobranie Sochynenii v 14 tomakh*. [Complete Works: In 14 vol.]. Yzdatelstvo AN SSSR Publ., 1937—1952. — Vol. 1. *Hants Kyukhel'garten; Vechera na Khutore blyz Dikan'ki* [Hanz Kuchelgarten; Evenings on a Farm near Dikanka] / Ed. by M. K. Kleman. 1940. 556 p.
5. Zaslavskii I. Ya. *Pushkin i Ukraina: Ukraynskye Svyazy Poeta, Ukrainskiye Motivy v yego Tvorchestve* [Pushkin and Ukraine: Ukrainian Ties of the Poet, Ukrainian Motives in His Work]. K.: Vyshcha Shkola Publ., 1982. 152 p.
6. Zerov M. K. *Lektsii z Istorii Ukrayins'koyi Literatury: 1798—1870* [Lectures on the History of Ukrainian Literature: 1798—1870]. Edmonton: Vydannya Kanads'koho Institutu Ukrainskikh Studii, 1977. 271 p.
7. *Istoriya Ukrayins'koyi Literatury: u 8 Tomakh* [History of Ukrainian Literature: 8 V.]. Kyiv: Naukova Dumka Publ., 1967—1971. — T. 2: *Stanovlennya Novoyi Literatury (Druha Polovyna 18th — Trydtsyati Roky 19th St.)* [Formation of New Literature (the Second Half of the 18th Century — the Thirties of the 19th Century.)]. 1967. 483 p.

8. К. П. <Ksenofont Polevoy> «*Ukraynskye Melodii. Sochinenie Nyk. Markevycha. M., 1831*» [Ukrainian Melodies. Op. by Nick. Markevich. M., 1831]. *Moskovskii Telehraf.* 1832. — P. 46. — № 13. — July. — Pp. 65—76.
9. Kosachevskaya Ye. M. *N. A. Markevych: 1804—1860* [N. A. Markevich: 1804—1860]. L.: Izdatelstvo LGU, 1987. 286 p.
10. Kur'yanov S. O. *Nikolay Markevych y Ego «Ukraynskiye melodii»* [Nikolay Markevich and His *Ukrainian melodies*]. *Voprosy Russkoy Literatury.* Symferopol': Soratnyk Publ., 1993. Vyp. 1 (58). Pp. 21—30.
11. Kur'yanov S. O. *O Russko-Ukraynskykh Literaturnykh Svyazyakh i ob Ukraynskom Tekste v Russkoy Literature* [About the Russian-Ukrainian Literary Connections and the Ukrainian Text in Russian Literature]. *Krymskyy Humanytarnyy Vestnyk: Sbornyk Nauchnykh Statey.* Symferopol': Mynakyr Y. L. Publ., 2018. P. 40—47.
12. Kur'yanov S. O. *Ob Ukraynskom Tekste v Russkoi Romaniycheskoi Literature* [About Ukrainian Text in Russian Romantic Literature]. *Dinamika Yazykovykh i Kul'turnykh Protsessov v Sovremennoi Rossii.* — Vyp. 6. — SPb.: ROPRYAL Publ., 2018. Pp. 765—770. Available at: URL: http://ropryal.ru/wp-content/uploads/2018/10/6ROPRYAL_A5.pdf (accessed 30 October 2018).
13. Lyusy A. P. *Moskovskyy Tekst: Tekstologicheskaya Kontseptsiya Russkoi Kul'tury* [Moscow Text: Textual Concept of Russian Culture]. M.: Izdatel'skii Dom Veche Publ., 2013. 320 p.
14. Markevych N. A. *Ukraynskiye Melodii. Sochintniye Nik. Markevycha* [Ukrainian Melodies. Op. by Nick. Markevich]. M.: V Typografii Avgusta Semena, pry Imperatorskoi Med.-Khirurgicheskoi Akademii, 1831. — XXX, 154+4 p.
15. Markovs'kii M. *Shevchenko i Mykola Markevych* [Shevchenko and Nikolay Markevich]. *Ukrayina.* 1925. — Books 1—2. — Pp. 37—41.
16. Matsapura V. Y. *Ukrayna v Russkoy Literature Pervoi Poloviny XIX veka: Monohrafiya.* Ukraine in Russian Literature of the First Half of the Nineteenth Century: Monograph]. Khar'kov; Poltava: POYPPPO Publ., 2001. 396 p.
17. Mel'nyk O. V. «*Ukraynskye Melodyy» Mykoly Markevycha ta «Irlands'ki Melodii» Tomasa Mura: Kharakterolohichna Spil'nist' ta Vidminnost'* [Ukrainian Melodies by

- Nikolai Markevich and *The Irish Melodies* by Thomas Moore: Characterological Commonness and Difference]. *Materialy Dokladov Mezhdunarodnoy Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii «Vtorye Sevastopol'skiye Kirillo-Mefodievskiye Chteniya»*. Sevastopol': Rybést Publ., 2008. Pp. 389—395.
18. Mel'nyk O. V. *Ukrayina u Poetychnomu Svitobachenni Adama Mitskevycha i Mykoly Andriyovycha Markevycha* [Ukraine in the Poetic World of Adam Mickiewicz and Nikolai Andreevich Markevich]. *Istoryko-Literaturnyi Zhurnal*. — Odesa, 2010. — Vyp. 18. — Pp. 196—205.
19. Mel'nyk O. V. *Tvorchist' Mykoly Markevycha v Konteksti Yevropeys'koho Romantyzmu* [Nikolay Markevich's Creativity in the Context of European Romanticism]: Diss. ... Kand. Filol. Nauk: 10.01.05. Kyiv, 2014. — 200 p.
20. Ovchinnikov D. P. «Kazalos', Sushchestvovanye Etogo Naroda Bylo Vechno»: *Myfopoeticheskiye Predely Malorossiiskogo Teksta Russkoi literatury (K postanovke problemy)* [“It Seemed that the Existence of this Nation was Forever”: The Mythopoetic Borders of the Little Russian Text of Russian Literature (To the Formulation of the Problem)]. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Seryya: Gumanitarnye Nauki*. — 2017. — T. 8. — Vyp. 4. — Pp. 324—327.
21. Ovchinnikov D. P. *Malorossiya y Malorossiiskii Tekst v Tvorchestve N. V. Gogolya (Vvedenye v Temu)* [Malorossiya and the Malorossian Text in the Works of N. V. Gogol (Introduction to the Topic)]. *Yazyk y Kul'tura: Sbornyk Materyalov XXVI Mezhdunarodnoy Nauchno-Praktycheskoy Konferentsyy*. Novosybyrsk: Izdatelstvo TSRNS Publ., 2016. — Pp. 194—199.
22. *Severnaya Lira na 1827 God* [Northern Lira in 1827]. M.: Nauka Publ., 1984. 416 p.
23. Studinskii K. O. «Perebendya» T. Shevchenka i «Banduryst» Markevycha [«Perebendya» by T. Shevchenko and «Bandurist» by Markevich]. *Zorya*. — 1896. — № 24. — Pp. 477—479.
24. Shevchenko T. H. *Povne Zibrannya Tvoriv: U 12 Tomakh* [Complete collection of works: 12 Vol.]. K.: Nauk. Dumka Publ., 2001. — T. 1: *Poeziya 1837—1847* [Poetry 1837—1847]. 784 p.

25. Sheremet A. S. *Tvorcheskiy Put' I. P. Borozdny: Individual'nost' v Kontekste Literaturnykh Traditsii* [The Creative Way of I. P. Borozdna: Individuality in the Context of Literary Traditions]: Diss. ... Kand. Filol. Nauk: 10.01.01. Simferopol', 2015. 234 p.
26. Yatsenko M. T. *Ukraïns'ka Romantychna Poyeziya 20—60-kh Rokiv XIX St.* [Ukrainian Romantic Poetry of the 20—60s of the Nineteenth Century]. K.: Naukova Dumka Publ., 1987. Pp. 5—36.

**THE ROLE OF *THE UKRAINIAN MELODIES* BY N. A. MARKEVICH IN
FORMING THE UKRAINIAN TEXT IN RUSSIAN LITERATURE**

Kuryanov S. O.

The author's aim is to show how the mythologized idea of Ukraine which was later embodied in a diversity of Russian writers works and formed the Ukrainian text in Russian literature, was created in the works by N. A. Markevich for the first time. The analyses of The Ukrainian Melodies poetry collection demonstrates that N.A. Markevich' book reproduces conceptually the idea of Ukraine in memorable constant mythologized forms that is, creates designations which are perceived as emblematic and being entrenched in Russian literature build up original Ukrainian text.

Keywords: Ukrainian text, mythologized constant ideas, N.A. Markevich, The Ukrainian Melodies, Russian literature.